

КЪ ИСТОРИИ ЯСАКА ВЪ СИБИРИ.

Для русскихъ людей XVI и XVII столѣтій Сибирь была не „золотымъ дномъ“, какъ впослѣдствіи, а „мѣховымъ“, если можно такъ выразиться. Для московскаго правительства того времени Сибирь представляла особенный интересъ, какъ страна, откуда получаются дорогіе мѣха, на которые былъ тогда необыкновенный спросъ не только въ Россіи, но и въ средней Европѣ. Эксплоатациѣ страны въ этомъ именно отношеніи представлялась особенно важной, и правительство не жалѣло усилій для обеспеченія себѣ постояннаго и непрерывнаго притока дорогихъ мѣховъ изъ Сибири. Какъ всѣ на Руси того времени „тянули свое тягло“, такъ, конечно, и коренные сибирскіе обитатели—и инородцы различныхъ племенъ—обязаны были доставлять известную прибыль государственной казнѣ, т.-е. примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, обложены были ясакомъ. Получать съ инородцевъ ясакъ, „промышлять новыя землицы“ для обложения ясакомъ—вотъ вся административная политика въ то время, вся государственная мудрость московскаго правительства по отношенію къ Сибири. Это было первобытное отношеніе сильнаго къ слабому, побѣдителя къ побѣжденному. Понятіе о налогахъ, какъ о необходимой мѣрѣ для улучшенія общаго благосостоянія страны, было, конечно, совершенно чуждо правительству. Весь ясакъ вывозился цѣликомъ во внутреннюю Россію, и изъ него покрывались, да и то условно, развѣ лишь расходы на администрацію, необходимую для сбора ясака и сдерживание инородцевъ въ повиновеніи. Вопросы объ улучшениія быта инородцевъ, объ ихъ просвѣщеніи и т. п., конечно, и не могли возникнуть у государственныхъ людей того времени вслѣдствіе общей отсталости и некультурности Руси; даже и теперь жалкое положеніе этихъ вопросовъ прямо зависитъ отъ глубокихъ историческихъ причинъ, отъ печального вліянія которыхъ и современ-

нал Россія не можетъ освободиться. Итакъ, въ прежнєе время, въ теоріи и на практикѣ даже до самаго XIX в., отношенія русскихъ къ туземцамъ ограничивались только сборомъ дани, ясака, отношеніями некультурныхъ побѣдителей къ еще болѣе дикимъ побѣжденнымъ. На этой почвѣ выросло безчисленное множество неправедливостей и злоупотребленій, которыхъ обыкновенно практикуетъ невѣжественный сильный по отношенію къ слабому, возникли цѣлые кровавыя драмы—почти поголовныя восстанія сибирскихъ инородческихъ племенъ, которымъ такъ свойственно добродушіе и прочность. По этимъ причинамъ для сибирской исторіи весьма важень ясачный вопросъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, въ теченіе 2-хъ вѣковъ сосредоточиваются почти всѣ сношения русскихъ съ инородцами. Эти прежнія варварскія отношенія далеко не исчезли и въ настоящее время: они существуютъ въ видѣ безсовѣстной эксплоатациіи инородцевъ русскими торговцами и даже въ формѣ злоупотребленій администрації въ захолустьяхъ. Несмотря на всю историческую важность, до сихъ поръ этотъ серіозный вопросъ не послужилъ темой не только для отдѣльной монографіи, но, насколько намъ извѣстно, даже и для болѣе или менѣе обстоятельной статьи. Только, кажется, въ 1893 г. г. Кузнецовъ-Красноярскій въ „Енис. Листѣѣ“ далъ по этому поводу небольшую статью. Главной причиной этой скучности, по нашему мнѣнію, является отсутствіе сырыхъ материаловъ, которые бы могли дать понятіе о всѣхъ подробностяхъ ясачнаго дѣла сначала въ различныхъ мѣстностяхъ старинной Сибири, а потомъ уже можно было бы прийти и въ общимъ выводамъ касательно всей страны. Эти отдѣльные камни необходимы для постройки всего зданія. Поэтому чрезвычайно желательно появленіе такихъ сборниковъ сырыхъ материаловъ, какъ „Приходная окладная ясачная книги томскаго уѣзда съ 1706-1718“, изданныя въ 1893 г. г. Кузнецовымъ-Красноярскимъ. Этотъ обстоятельно и добросовѣстно составленный сборникъ является естественнымъ продолженіемъ ясачныхъ книгъ тоже томскаго уѣзда за 1692 г., напечатанныхъ Д. Кузнецовымъ въ „Томскѣ“ Губерн. Вѣд.“ въ 1864 г. (13-18 и 24 №). Эти сырые материалы даютъ намъ возможность восстановить детальную картину ясачныхъ от-

ношеній въ томскомъ уѣздѣ въ XVII и началѣ XVIII в. Для сравненія мы считаемъ не лишнимъ сообщить вѣкоторыя важнѣйшия сведения объ ясачныхъ отношеніяхъ въ прочихъ мѣстностяхъ Сибири. Прежде всего нужно имѣть въ виду, что московское правительство въ этомъ дѣлѣ не руководствовалось какимъ-либо однобразнымъ общимъ принципомъ, а предоставляло на усмотрѣніе воеводы и саму норму обложенія, и въ большинствѣ случаевъ самые приемы собираянія ясака, и всѣ относящіяся сюда подробности. Въ 1624 г. Михаилъ Феодоровичъ наказывалъ Архицу Авицѣзову при основаніи красноярскаго острога брать ясаку „сколько будетъ пригоже“. Вообще послѣ покоренія какой-нибудь группы инородцевъ предписывалось собирать ясакъ, „смотря по тамошнему дѣлу, чтобы государевой казнѣ не было убыли, а землѣ тягости не понести и людей ясачныхъ отъ государя не отогнать“. Слѣдующіе воеводы уже руководствовались ясачными книгами своихъ предшественниковъ, при чемъ имъ было предписано заботиться о „приборѣ“ молодыхъ ясачныхъ, что давало поводъ къ различнымъ злоупотребленіямъ. Самый размѣръ ясака въ первое время оставался вполнѣ неопределеннымъ, и лишь въ 1601 г. приказано было собирать по 10 соболей съ женатаго и по 5 съ холостого¹). Эти цифры не остались постоянными: позднѣе было предписано брать по 7 соболей съ женатаго²). Въ 1609 г. Василій Шуйскій предписывалъ пельмскому воеводѣ собирать ясакъ по 7 соболей съ человѣка, „верстать, кто въ которую статью пригодится, смотря по людямъ и по животамъ и по промысламъ“. На этомъ основаніи съ мурзъ и лучшихъ людей брали по 7, среднихъ—по 6-5 и съ прочихъ по 1-4 соболей. Впрочемъ, это было разрѣшено лишь на 1 годъ. Въ 1631 г. предписано было ясакъ собирать съ инородцевъ отъ 18-50-лѣтнаго возраста за исключеніемъ увѣчныхъ, больныхъ и слабыхъ, а посыпать за нимъ приказывалось служилыхъ людей и дѣтей боярскихъ „добрыхъ, не воровъ“ и слѣдить, чтобы они не требовали себѣ поминокъ. Подобный характеръ наказовъ

¹) Щегловъ, „Хронол. сибирск. исторія“, 62.

²) Буцинскій, „Засел. Сибири“, 313.

удержался до 1693 г. Вообще правительство старалось какъ-нибудь охранить инородцевъ отъ взяточничества, но, при отсутствіи всякихъ нравственныхъ принциповъ у старинныхъ служилыхъ людей и поголовномъ распространеніи взятокъ, ничего не могло сдѣлать. Картину ясачныхъ отношеній въ нынѣшней Тобольской губерніи даеть г. Буцінскій въ своемъ „Заселеніи Сибири“. Въ этихъ уѣздахъ ясакъ платился не одними только соболями, но и бобра-ми, лисицами, бѣлками, куницами, и притомъ цѣнность соболей была не одинакова: отъ 15 к. до 8 р. штука. Оба эти обстоятельства, конечно, давали поводъ ко множеству злоупотребленій со стороны воеводы и сборщиковъ: мѣховъ брали гораздо больше, чѣмъ следовало по окладу, и хороши соболи подмѣнивались пло-хими въ пользу воеводъ. Поэтому въ 1626 г. правительство перевело ясакъ на деньги: „съ лучшихъ людей по 3 р., съ среднихъ по 2 и съ худыхъ по $1\frac{1}{2}$ и 1 р.“. Изъ этого видно, что ясакъ не превышалъ обыкновенной подати съ посадскихъ людей, и только злоупотребленіе при сборѣ дѣлали его тяжелымъ. Но юридиче-ское положеніе инородцевъ относительно подати вѣтъсколько измѣнится, если мы припомнимъ, что, кромѣ ясака, они платили еще „поминки“. Вначалѣ это были просто добровольные подарки госу-дарю, и эта даньуваженія, столь свойственная вообще восточнымъ нравамъ, обратилась въ опасный прецедентъ и сдѣлалась для инородцевъ новымъ, особымъ полономъ. Поминки эти государю, а потомъ и воеводамъ, стали тоже уплачиваться деньгами: 3 р. госу-дарю и 1 р. 50 к. воеводѣ. Но нужно, впрочемъ, замѣтить, что эти поминки платились цѣлой волостью. За „мертвыхъ души“—умер-шихъ, больныхъ и старыхъ—ясакъ платился оставшимися. Освобожденіе отъ уплаты ясака за „мертвыхъ души“ было обставлено сложной и продолжительной процедурой: по челобитью инородцевъ мѣстному воеводѣ, послѣдній сообщалъ объ этомъ въ Тобольскъ, откуда посыпались письменные головы „для сыску и досмотру сверхъ воеводскихъ сысковъ и досмотровъ“. Затѣмъ все дѣло посыпалось въ Москву и оттуда уже получалась резолюція. Такъ, напр., между хлонотами яланскихъ инородцевъ обѣ освобожденій ихъ въ 1601 г. отъ платы ясака за 67 выбыльныхъ царская резо-

люція пришла лишь въ 1604 г., т.-е. черезъ 3 года. Оцѣнка мѣ-ховъ производилась воеводами и всегда въ смыслѣ, очень невыгод-номъ для инородцевъ. Наказъ предписывалъ цѣнить мѣха по си-бирской цѣнѣ, но такъ, чтобы по московской прицѣнѣ была госу-дарю прибыль, а въ противномъ случаѣ самъ воевода отвѣтствуетъ за недостающее. Въ 1617 г., напр., съ березовскаго воеводы велѣ-во взыскать 3 р. за лисицу, оцѣненную имъ въ 6 р., а сибирскимъ приказомъ лишь въ 3 р. Каждый воевода старался цѣнить ясакъ какъ можно ниже, чтобы показать свое усердіе и, кромѣ того, оставить изъ него и себѣ кое-что. Обыкновенно такъ случалось, что по московской расцѣнкѣ съ 500 руб. прибывало отъ 100 до 400 р. Въ 1695 г. было предписано расцѣнивать въ сибирскихъ городахъ мѣха „настоящей“ цѣной и эти „цѣновыя“ вѣдомости при-сылать въ Москву за подписью воеводы и подьячихъ, но и при-казывалось также взыскивать съ нихъ недостающее, если въ Мос-квѣ эти мѣха будутъ оцѣнены ниже³⁾. Каѳь низка была воевод-ская оцѣнка, показываютъ жалобы тарскихъ ясачныхъ въ 1626 г.: лисицу и куницу они цѣнятъ по 15 к., а купцы за красную ли-сицу даютъ 30 к., а за куницу по 50 к. Изъ челобитной 12 вол-остей ясачныхъ въ 1629 г. видно, что послѣ переложенія ясака на деньги имъ приходится платить по 10, 12 и 15 соболей съ че-ловѣка, въ то время какъ раньше по 5, не считая 8-9 соболей поминокъ съ волости. Впослѣдствіи подобная челобитная писа-лась и отъ верхотурскихъ и отъ другихъ инородцевъ. Вслѣдствіе этихъ порядковъ за инородцами постоянно числились недоимки, которыя иногда возрастили до крупныхъ суммъ. Московскіе цари иногда сразу slagали всѣ недоимки: въ 1597 г. Феодоръ Ивано-вичъ сложилъ недоимки съ березовскихъ и пельмскихъ ясачныхъ людей, въ 1599 г.—Борисъ Годуновъ и „для царскаго вѣнца и многолѣтнаго здравія“ указалъ воеводамъ совсѣмъ не брать яса-ка въ 1600 г. Василій Шуйский также сложилъ недоимки съ ино-родцевъ тарскаго и, вѣроятно, другихъ уѣзовъ. Далѣе эти массо-вые освобожденія отъ недоимки все болѣе и болѣе прекращаются,

³⁾ Щаповъ, „Хрон. сиб. исторіи“, 138.

и къ концу царствованія Михаила Феодоровича недоимки дости-
гають огромныхъ размѣровъ: напр., въ 1645 г. на тюменскихъ
ясачныхъ было 4000 р. Эти громадныя и всеобщія недоимки при-
 сравнительно невысокомъ налоговомъ обложеніи объясняются поч-
 ти исключительно грабежомъ воеводы и служилыхъ людей, кото-
 рому положительно не было предѣловъ. Нарымскіе вогулы въ 1629 г.
 жалуются, что воевода беретъ съ нихъ по 10 вмѣсто 5 соболей
 и, въ то время какъ они уходятъ на промыслы, воевода и слу-
 жилые люди берутъ ихъ женъ и дѣтей. Нарымскій воевода, кро-
 мѣ взятокъ, беретъ по 11 соболей ясака. Этотъ воевода бывъ остан-
 ковъ „смертнымъ боемъ“, отнималъ у нихъ женъ и дочерей, и
 нарымскій князь лишь за 100 лисицъ выкупилъ у него собствен-
 наго своего сына, которого тотъ захватилъ въ холопы. Березов-
 скій воевода Плещеевъ вызвалъ цѣлое слѣдствіе. Онъ просто от-
нималъ у инородцевъ дорогихъ звѣрей, посылая за ними слу-
 жилыхъ людей и заставляя за $\frac{1}{3}$ стоимости продавать ему этихъ звѣ-
 реи. Съ ясачныхъ онъ требовалъ большія „поминки“, заставляя
 ихъ проживаться въ городѣ и не хотѣлъ отпустить безъ взятки,
 отнималъ у нихъ рыбныхъ ловли, заставляя шить шубы, ловить
 рыбу. Слѣдствіе, конечно, не привело ни въ чemu: всѣ боялись
 прогнѣтить воеводу, и свидѣтельскія показанія были для него очень
 благопріятны. Тяжесть положенія ясачныхъ людей въ этотъ пе-
 ріодъ была настолько велика, что отразилась на самомъ приростѣ
 населенія: въ началѣ царствованія Михаила Феодоровича въ 7 уѣздахъ
 ихъ было 4000, а въ концѣ лишь 4500, т.-е. въ 32 года увели-
 чилось только на 500 человѣкъ. „Царь Борисъ,—говоритъ Слов-
 цовъ,—запретилъ сборщикамъ брать на себя поминки изъ обѣща-
 ній разсрочки и возить съ собою товары для подмѣна рухляди вы-
 соко цѣнной за свои лоскутия, но впослѣдствіи открылось столько
 подлоговъ и ухищреній, что ни наказы государей, ни обѣщанія
 милостивыя, ни угрозы гнѣвныя не довольны были къ превращенію
 грабежа“⁴⁾). Кромѣ ясака и поминовъ, налоговъ, поддавав-
 шихся болѣе или менѣе точному численному опредѣленію, сущес-

твовалъ еще „десантинный“ налогъ, т.-е. десятый звѣрь всякой
 породы. Ясно, что на практикѣ этотъ налогъ долженъ быть явить-
 ся источникомъ злоупотребленій, прикрытыхъ закономъ; съ одной
 стороны, съ инородца можно было взыскать произвольное количе-
 ство звѣрей, а съ съ другой—записать на приходъ казны гораздо
 меньше полученнаго въ дѣйствительности. Этотъ десятинный на-
 логъ въ 1626 г. далъ поводъ верхотурскимъ ясачнымъ просить
 если не обѣ его отмѣнѣ, то хотя обѣ отмѣнѣ съ „лосиныхъ и оле-
 ныхъ постелей“, когда они продаютъ ихъ, чтобы на эти день-
 ги платить ясакъ, покупая соболей для взноса ясака, поминокъ
 и недоимки.

Но возвратимся къ детальному разсмотрѣнію ясачныхъ отно-
 шеній въ Томскомъ уѣздѣ съ 1692 по 1718 г. Томскій уѣздъ того
 времени занималъ часть средняго теченія Оби, нижнее теченіе
 Томи и среднее и нижнее теченіе Чулымы. По теченію Оби и
 низовьямъ Чулымы расположились остатки волости, а по Томи,
 Чулыму, Кѣ, Яѣ—татарскія. Въ 1692 г. всѣхъ татарскихъ воло-
 стей въ уѣздѣ было 35, а въ 1718—33. Но, сравнивая карту Том-
 скаго уѣзда по Ремезову съ волостями, упоминаемыми въ 1718 г.,
 находимъ нѣкоторыя значительныя разногласія: по Ремезову, на
 этомъ пространствѣ мы насчитали только 29 волостей, а въ 1718 г.
 волостей Адѣвой и Ягодиной не значится, зато есть Большая
 и Малая Байгульская по Чулыму, Кызыльдѣева, Шепецкая или
 Шепецкая и порубежная горыя: Камысская, Шуйская и Камлар-
 ская. Исчезновеніе волостей Ягодиной и Адѣвой не можетъ настѣ-
 удивить, если мы припомнимъ, что нѣкоторыя волости состояли
 всего изъ 2-3 человѣкъ. Прибавленіе волостей можно объяснить
 двояко: или естественнымъ расширениемъ русского владычества,
 съ цѣлью объясачиванія инородцевъ, особенно къ югу, въ землю
 телеутовъ и нынѣшній Ачинскій округъ, какъ это и предполагаетъ
 г. Кузнецова-Красноярскій, или просто уловкой воеводы—дробле-
 ниемъ прежнихъ волостей для увеличенія „поминковъ“ и „приказ-
 ной почести“—новаго вида поборовъ, о которомъ рѣчь будетъ ни-
 же. Отсутствіе Шепецкой волости на картахъ нужно приписать не-
 точности послѣдней, такъ какъ въ 1692 г. эта волость существо-

⁴⁾ „Исторія Сибири“, 19.

вала. Изъ 33 волостей 1718 г. было 10 осязаемыхъ: Байгульская Большая, Байгульская Малая, Картульская, Темерчинская, Чурубаровская Б., Чурубаровская М., Шагарская и 23 татарскихъ: Аргунская, Ачинская, Ачинская Чулымская, Байгульская Б., Байгульская М. (Чулымская), Байгульская Кемческая, Босагарская, Камларская, Камларская порубежная, Кемческая, Кызыльская, Кызыльдѣева, Камысская, Мелесская, Правская Б., Правская М., Соргудина, Тузалова-Мелесская и Шуйская (Шугѣская). Кемческую волость можно не считать: она появляется 1 разъ подъ 1711 г.; въ ней, повидимому одинъ только князецъ (поминку и ясаку вмѣстѣ всего 11 соболей), и въ членитной 1717 г. упоминается только о 32 волостяхъ⁵⁾. Итакъ, сравнительно съ 1692 г. число волостей уменьшилось, можно сказать, на 3. Четырнадцатилѣтній періодъ (до 1707 г.) былъ, очевидно, не легокъ для инородцевъ Томскаго уѣзда, таъ какъ самое ихъ число уменьшилось: въ 1692 г. во всѣхъ 35 волостяхъ было 226 человѣкъ на окладѣ, а въ 1706 г.—уже только 191 въ 32 волостяхъ, т.-е. численность уменьшилась на 24 человѣка. Но въ 1718 г. мы имѣемъ уже 272 ч. во всѣхъ инородческихъ волостяхъ; это послѣднее обстоятельство мы приписываемъ не столько естественному росту населенія, сколько объясачиванію новыхъ инородцевъ вверхъ по Ургету, Берету и Серету, по направленію вглубь киргизской земли. Способность населенія платить налоги показываетъ его материальное благосостояніе; если же гдѣ есть недоимки, это значитъ, что силы населенія потрясены, благосостояніе его уменьшилось, а за этимъ естественно слѣдуетъ не возрастаніе населенія, но его убыль. Съ этой точки зрѣнія очень легко объяснить убыль населенія Томскаго уѣзда въ періодъ 1692-1706 гг.: ясакъ оказался столь непосильнымъ для населенія, что недоимка возросла до высокихъ размѣровъ: въ Курчиковой волости въ 1692 г. было 50 соболей недоимокъ, и 721 с. за 19 предыдущихъ лѣтъ, въ Кызыльской—40 с. и за 25 прошлыхъ лѣтъ—704 с. и т. д., таъ что въ этихъ двухъ и Ачивской, Босагарской и Камларской волостяхъ за 27 л. оказалось 2125 соболей въ

недоимкѣ. Кроме того, въ Картульской волости было 30 соболей и въ 6 горныхъ порубежныхъ 9014, такъ что на инородцахъ Томскаго уѣзда всего съ прежними годами лежала недоимка въ 11139 соболей.

Если даже мы не упустимъ изъ вида, что болѣе $\frac{3}{4}$ этой недоимки лежитъ на 6 горныхъ порубежныхъ волостяхъ (41 человѣкъ на окладѣ), то все-таки на остальномъ населеніи окажется почти по 12 соболей на человѣкѣ, т.-е. болѣе годового оклада ясака (приблизительно по 10 соболей). Есть основаніе предполагать, что эти горные порубежные волости до 1692 г. еще не были окончательно подчинены русскому вліянію: въ то время какъ всѣ другія волости доставляли сами ясакъ въ Томскій, Ачинскій и Милесскій остроги—въ эти волости сборщики ъздили лично, такъ какъ иначе, очевидно, не было возможности получить съ нихъ ни одного соболя. Въ сборной книжѣ ясака за 1692 г. прямо говорится: „ясачные люди тѣхъ волостей живутъ съ киргизскими людьми заодно, отъ Томскаго въ дальнихъ мѣстахъ, а которые посылаются изъ Томскаго служилые люди къ нимъ для ясачного спора, тѣмъ служилымъ людямъ чинятся непослушны и великихъ государей поминковъ и ясаку не даютъ и во всемъ имъ отказываютъ“. Ясачная недоимка въ соболяхъ, впрочемъ, не оставалась безнадежной, но пополнялась другими звѣрями по сравнительной оцѣнкѣ, что опять давало поводъ къ вымогательствамъ и взяткамъ. Такъ, напр., въ 1692 г. въ общей сложности было получено по Томскому уѣзду за 1208 соболей слѣдующее количество разныхъ другихъ звѣрей: лисицъ чернобурыхъ 7, бурыхъ 1, чернодушатыхъ черночеревыхъ 1, красныхъ чернодушатыхъ 4, красныхъ черночеревыхъ 2, красныхъ сиводушатыхъ 11, красныхъ бѣлодушатыхъ 160, недолисей 7, бобровъ чернокарихъ 13, карихъ 7, рыжихъ 128, кошлаковъ 57, ярцевъ 3, черевязей 60, росомахъ 54, выдръ 5, куницъ 19.

Чернобурая лисица при этомъ равнялась 10 соболямъ, черводушатая черночеревая и сиводушатая—4, бѣлодушатая—2, бобръ чернокарий—5, рыжий—4, кошлакъ—2, черевязь—1, ярецъ—2, росомаха и выдра—2 и куница—1 соболю. Еще нѣтъ и рѣчи о ме-

⁵⁾ „Ясачная книга“, 91.

въе дорогихъ пушныхъ звѣряхъ—бѣлкѣ и горностаѣ; это обстоятельство намъ придется припомнить ниже. Что экономическое положеніе инородцевъ Томскаго уѣзда за 1718 г. ухудшилось, можно видѣть изъ появленія особой части населенія—„захребетныхъ“, которыхъ раньше не было. Въ Мелесской волости ихъ 31, въ Босагарской 13, въ Ачинской 14, а всего 58 человѣкъ. Захребетники—работники, батраки, не имѣющіе самостоятельныхъ хозяйствъ, самостоятельного заработка. Откуда же могъ получиться этотъ новый, низшій классъ? Очевидно, это тѣ инородцы, которые вслѣдствіе разныхъ причинъ оказались не въ состояніи вести самостоятельное хозяйство, обончательно разорились и поступили теперь на службу къ болѣе зажиточнымъ своимъ землякамъ. Захребетники пристраиваются къ наиболѣе населеннымъ волостямъ—въ Мелесской 31, въ Ачинской 14 и въ Босагарской 13. Если мы исключимъ 58 захребетниковъ, то самостоятельныхъ хозяевъ будетъ лишь 216, т. е. число ихъ уменьшилось на 10 сравнительно съ 1692 г. Сравнительно съ 1706, ясачное населеніе, напр., Босагарской волости уменьшилось къ 1718 съ 6 на 3. Какъ работники, захребетники платили только поминокъ, да и то въ очень небольшомъ размѣрѣ: 31 захребетникъ въ Мелесской волости дали только въ 1718 г. 2 соболя. Населеніе этихъ волостей было очень незначительно: въ 5—по 3 челов., въ 5—по 6, въ 5—по 4 и въ 4—по 5 человѣкъ. Максимумъ въ Ачинской и Картульской волостяхъ—20 человѣкъ. Указавъ на слабую численность населенія въ каждой волости отдельно и во всѣхъ вмѣстѣ, переходимъ къ его соціальнymъ группамъ. Мы уже указали на захребетниковъ, съ которыхъ, въ виду ихъ безпомощности и обязательныхъ отношеній, даже не требуется ясать, а только очень малая поминки. Вторую, самую многочисленную группу составляли ясачные инородцы, а во главѣ волостей стояли князцы—третья, такъ сказать, правящая группа. Въ ясачныхъ книгахъ всегда вмѣстѣ съ названіемъ волости упоминается имя князца. Книги не даютъ намъ понятія объ отношеніяхъ этихъ князцовъ къ ясаку, т.-е. обязаны ли они были платить больше своихъ товарищѣй или иѣтъ. Въ книгахъ упоминается общая цифра ясака и поминокъ съ общаго числа на-

селенія волости, включая и князца. На основаніи выше указанныхъ фактовъ можно предполагать, что князцы вносили больше, и раскладка уже являлась внутреннимъ дѣломъ волости.

Кромѣ этихъ трехъ постоянныхъ группъ населенія, съ 1706 г. появились и случайные элементы, повидимому, не входившіе въ составъ волостей. Этотъ случайный и очень немногочисленный элементъ состоитъ изъ „выѣзжихъ бѣлыхъ калмыковъ“, которыхъ за все то время мы насчитали не болѣе 7; затѣмъ слѣдуетъ „телеутскій выѣзжій иноземецъ“ Илипъ, два новокрещенца—Семенъ Колобковъ и Шать Байдаевъ, вольноотпущенники Ивана Великосельского—Яковъ Андреевъ и его братъ, да два русскихъ, у которыхъ происходили выемки мягкой рухляди. Русскихъ, про никавшихъ въ инородческія волости за мѣхами, было, конечно, гораздо больше, такъ какъ въ началѣ XVIII вѣка въ Томскомъ уѣздѣ считалось 2532 двора⁶⁾), но во всякомъ случаѣ вскихъ постороннихъ элементовъ въ инородческихъ волостяхъ было очень мало.

Переходя къ вопросу объ обложеніи инородцевъ Томскаго округа разными налогами, мы видимъ, что десятинный налогъ исчезъ безслѣдно и уже не упоминается въ 1692 году, ясакъ и поминки остались, и явился новый налогъ—„приказная по честь“.

Для опредѣленія количества ясака съ души возьмемъ, напр., ясачныя книги двухъ крайнихъ годовъ—1706 и 1718: какъ общее правило, съ души взыскивалось въ 1706 году по 10 соболей, хотя колебанія въ ту и другую сторону часты: онъ поднимается до 13, но спускается и до 5, а въ одномъ случаѣ до 3. Въ 1718 году ясакъ обнаруживаетъ сильную склонность повышаться: въ одномъ случаѣ доходить до 23 и очень часто превышаетъ 10 соболей. Если же мы сравнимъ цифры обложения въ 1692 и 1718 годахъ, то встрѣтимъ очень замѣтную разницу, какъ показываетъ слѣдующая таблица:

⁶⁾ Словцовъ, „Ист. Сиб.“, II, 16.

	1692 г.		1718 г.	
	Число соболей.	Число инород.	Число соболей.	Число инород.
Б. Правская	60	6	91	6
Б. Шагарская	50	5	53	5
М. Шагарская	30	3	32	3
М. Чурубаровская	40	4	55	4
Чаинская	70	7	75	7
М. Правская	30	3	30	3
Шетецкая	92	10	40	10
Картульская	185	20	45	20
Б. Чурубаровская	70	8	97	10

Изъ этой таблицы можно усмотрѣть, что въ очень многихъ волостяхъ ясакъ увеличился, но число жителей осталось прежнее. Какъ эта цифра могла оставаться неизмѣнной въ теченіе 26 лѣтъ? Очевидно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ цифрами юридическими: мертвые и выбылые души считались съ фискальной точки зрѣнія существующими, а оставшіеся инородцы должны были платить за нихъ ясакъ. Тамъ, гдѣ оказывалася фактическій приростъ населенія, это сейчасъ же обнаруживалось, какъ въ Б. Чурубаровской волости. Изъ этого мы необходимо должны заключить объ общемъ уменьшениіи населенія и его обѣденіи въ этихъ старыхъ волостяхъ—неизбѣжный результатъ русскаго владычества въ Сибири по отношенію къ этимъ инородцамъ. Такимъ образомъ ясакъ къ 1718 г. часто превышалъ 10 соболей съ человѣка. Непостоянная сама по себѣ эта цифра подвергалась очень различнымъ колебаніямъ въ это время,—какъ видно изъ I т. „Памятниковъ сибирской исторіи XVIII в.“:—около Красноярска „Качка даль бобра за 3 соболя, Содеякъ—2 бобра небольшихъ за 2 соболя (№ 58)“; съ 14 человѣкъ малаго Байкамовскаго улуса было собрано 26 соболей, а съ другого улуса съ 3 человѣкъ 3 собола, да лисица за 2 соболя, 2 бобра за 6 соболей, т.-е. по 3 съ небольшимъ соболя съ человѣка (ib. № 59). Въ 1711 г. якутскій служилый человѣкъ Поповъ съ чукчей по Анадыру взялъ по красной лисицѣ съ человѣка (ib. № 93). Изъ этого видно, что „новоприира-

мыхъ“ не желали запугивать большимъ количествомъ ясака. Тѣ же попытки поощренія, очевидно, примѣнялись и въ выѣзжимъ инородцамъ въ Томскій уѣздъ и къ нововращеннымъ: съ пихъ брали по 2 соболя. Несмотря на эти льготы, нововращенныхъ было очень мало: въ 1706-1718 гг. въ Томскомъ уѣздѣ ихъ было всего двое. Ясакъ брался дорогими мѣхами еще въ концѣ XVII в., при чемъ соболь принимался за единицу, къ которой приравнивались прочіе пушные звѣри, но въ XVIII в. соболь, бобръ, даже лисица становятся все болѣе и болѣе рѣдкими, и на сцену являются бѣлки и горностаи, которые и идутъ въ ясакъ. Въ этотъ періодъ ясакъ въ Томскомъ уѣздѣ, вѣроятно, взыскивался очень строго, потому что недоимки оказывались самыми незначительными. Мы не знаемъ, когда и какъ томскіе инородцы успѣли уплатить свои огромныя недоимки въ 1692 г. Инородцы вѣкоторыхъ волостей, очевидно, просили объ уменьшениіи ясака, и тогда часть слѣдующаго съ нихъ по окладу ясака просто переносилась на другія волости: въ 1714 г. въ Шепецкой волости снято 40 соболей и разложено такъ: на Чурубаровскую—10, Соргулинскую—10, Б. Байгульскую—20. Въ такомъ положеніи былъ сборъ основного налога съ инородцевъ Томскаго уѣзда—именно сборъ ясава. „Поминки“, второй видъ налога, установился съ отдаленного времени и получилъ большое значеніе, если судить по ясачнымъ книгамъ. „Поминки“ всегда состояли изъ звѣрей высокой цѣнности и на менѣе цѣнныхъ звѣрей не переводились: это были соболи высокаго качества, „поминочные“, бурыи и чернобурыи лисицы, чернокаріе и каріе бобры. Лисицы и бобры низкихъ сортовъ почти не встрѣчаются. Въ періодѣ времени съ 1706 по 1718 г. количество „поминковъ“ оставалось въ громадномъ большинствѣ случаевъ неизмѣннымъ: увеличеніе падаетъ лишь на Б. Правскую (1 соболь) и Милесскую (2 соболя съ 31 захребетника, съ которыхъ ясака не брали), а уменьшеніе приходится на Темерчинскую (2 соболя). Мало того, количество „поминковъ“ остается неизмѣннымъ, если мы возьмемъ крайніе года—1692 и 1718. Если цифра ясака подвергалась замѣтнымъ колебаніямъ, то „поминки“ представляли больше постоянства—обыкновенно по соболю съ человѣка, иногда съ нѣкоторой

надбавкой, и полагались на цѣлую волость. Недоимки въ „поминкахъ“, кажется, не допускались. „Поминки“ давали только старыя волости, въ полномъ повиновеніи которыхъ не сомнѣвались: волости новыя, горныя, порубежныя, какъ Шугская, Камларская и др., платили только одинъ ясакъ. „Поминковъ“ не платили также „выѣзжие люди“ и новокрещенцы. Кроме этихъ налоговъ, съ 1713 г. въ Томскомъ уѣздѣ появляется еще новый—„приказная почесть“, изобрѣтенный мѣстной администрацией въ свою пользу, однако вносимый въ ясачныя ентиги. Грабежи и хищенія были тогда наивными и откровенными. Чтобы познакомить читателя съ этимъ любопытнымъ налогомъ, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ ясачныхъ книгъ: „Приказной почести взято: коменданту—8 горностаевъ, дѣяку—5, подьячemu—2, сборщику—лисица-бѣлодушка“ (Малая Правская волость—3 человѣка населения); „да почести: коменданту—рысь, дѣяку, сборщику, толмачамъ—3 лисицы красныя бѣлодушки безъ переднихъ лапъ“ (Чулымская Каргочина—10 человѣкъ) и т. д., все въ этомъ родѣ. Разматривая всѣ свѣдѣнія о „приказной почести“ въ томскихъ ясачныхъ книгахъ, можно прийти къ слѣдующимъ общимъ выводамъ: 1-е) она обнаруживаетъ склонность оставаться въ прежнемъ размѣрѣ, а если и берется мѣстами худшаго качества, то цѣнность остается прежней при увеличеніи количества шкурокъ; 2-е) уменьшается она иногда только для сборщиковъ; въ Б. Правской въ 1716 г. она даже совсѣмъ прекратилась; 3-е) воеводы получали ее лисицами-бѣлодушками и сиводушками, рыжими бобрами, въ рѣдкихъ случаяхъ выдрами и росомахами; дѣяви имѣли большую склонность къ лисицамъ, подьячие довольноствовались горностаями (отъ 2 до 8) и въ худшемъ случаѣ бѣлками, при чемъ 5 бѣлокъ равнялись одному горностаю; сборщики, которые оплачивались вообще лучше подьячихъ, получали лисицъ-бѣлодушекъ. Хуже всѣхъ поставлены были толмачи, которые получали „почесть“ горностаями, да и то не всегда. Соболей никогда и никому не давали, по крайней мѣрѣ явно; 4-е) размѣръ принятой почести не можетъ быть точно обозначенъ по сравненію съ числомъ жителей каждой волости; очевидно, она, какъ „добровольный“ даръ, зависѣла отъ общей численности населения волости и

отъ богатства данной мѣстности пушными звѣрями. Горные порубежныя волости и отдельные лица „приказной почести“ не давали. Въ общемъ получалось довольно большое количество пушнины. Возьмемъ, напримѣръ, 1716 г. Въ этомъ году комендантъ получилъ 20 лисицъ, 80 горностаевъ, 4 бобра, рысь, 2 волка и 2 выдры; дѣякъ—12 лисицъ, 25 горностаевъ, 3 бобра, выдра и черевязь; подьячій—79 горностаевъ, 129 бѣлокъ, лисицу, волка, ярца, песца; сборщикъ—5 лисицъ, 2 бобра, 110 горностаевъ, 69 бѣлокъ, 2 выдры, 3 волка; толмачи получили 56 горностаевъ, 3 лисицы, 4 бѣлки, выдра, бобра и кошлака. Приказная почесть иногда входила въ число недоимки и собиралась на слѣдующій годъ. Какъ мы видѣли, и приказная почесть только для толмачей, подьячихъ и сборщиковъ спускается до бѣлки, коменданты и дѣяки предпочитаютъ болѣе дорогія шкурки. Откуда же взялась эта „приказная почесть“? Наказъ 1631 г. тарскимъ воеводамъ Баратинскому и Сытому запрещалъ выдавать въ жалованье соболиную казну и всякую мягкую рухлядь безъ особаго царскаго указа. Въ наказѣ 1693 г., данномъ тарскому воеводѣ и стольнику Тургеневу, прямо говорится: „а соболей и шубъ собольихъ и лисицъ черныхъ и чернобурыхъ и бурыхъ и шапокъ лисицъ чернобурыхъ черныхъ... не иметь и не покупать и недозволять заводить служащимъ“. Въ 1635 г. верхотурскому таможенному головѣ Даниилѣ Обросьеву предписано было производить строжайшій обыскъ всѣхъ служилыхъ людей, выѣзжающихъ изъ Сибири. На заставѣ голова всюду долженъ былъ отыскивать мягкую рухлядь: „въ возахъ, въ сундукахъ, въ коробьяхъ, въ сумкахъ, чемоданахъ, платьяхъ, подушкахъ, винныхъ бочкахъ, во всякихъ запасахъ, въ печенныхъ хлѣбахъ, обыскивать мужской и женскій полъ, не боясь и не страшась никакого ни въ чемъ, чтобы въ пазухахъ, въ штанахъ и въ запаштомъ платьѣ отнюдь никакой мягкой рухляди не провозили, а что найдутъ, то брать на государя“. Эти строгости имѣли въ виду, во 1-хъ, прекратить вывозъ изъ Сибири мягкой рухляди, цѣнныхъ пушныхъ звѣрей, что было въ то время государственной регалией, а, во 2-хъ, положить хотя нѣкоторый предѣлъ грабительству служилыхъ людей, лишивъ ихъ возможности вывозить изъ Сибири

плоды ихъ захватовъ. Но въ 1710 г. позволено было продавать соболей, которые шли по 100 руб. „сорокъ“, лисицъ—„половина и менши“⁷⁾. Значить, теперь воеводы и прочие служилые люди могли вывозить сколько угодно мягкой рухлади и безъ всячаго опасенія. И вотъ, вѣроятно, сообразительный на счетъ наживы томскій комендантъ Романъ Трахонютовъ придумалъ въ 1713 г. собирать „приказную почесть“; его преемники, Михаилъ Колычевъ и дьякъ Чернцовъ, нашли эту систему очень выгодной, и дворянинъ Савва Ципуринъ, посланный для сбора ясака въ Мелесскій и Ачинскій остроги, явился ревностнымъ и дѣятельнымъ собирателемъ новаго налога, невозможнаго съ современной точки зренія, но вполнѣ естественного и понятнаго при старинныхъ административныхъ взглядахъ и нравахъ. Впрочемъ, новый налогъ не остался безъ протеста со стороны населенія: „Въ нынѣшнемъ 717 г. января въ 11 день были члены великаго государя томскаго уѣзда татарскихъ и остыакихъ 32 волостей князцы и рядовые ясачные люди—Каразакъ съ товарищи: отъ давнихъ де лѣтъ платятъ они въ казну великаго государя поминки и ясакъ по вся годы сполна, да на нихъ же де сверхъ того въ 713 г. наложена вновь приказная почесть многая, а по какому указу—не вѣдаютъ и отъ платежа де той приказной почести они разорились въ конецъ—безъ остатку, и чтобы великій государь пожаловалъ—велѣль платить имъ поминокъ и ясакъ по прежнему, а приказную почесть для скудости въ нихъ снять. И по указу великаго государя и по помѣтѣ на выпискѣ оберъ-коменданта князь Ивана Ивановича Щербатова противъ вышеписанного ясачныхъ людей членобитья приказной почести до указу братъ съ нихъ не велѣно и о томъ въ Тобольскѣписано“⁸⁾. Но тѣмъ не менѣе въ 1717 г. приказную почесть собирали въ нѣкоторыхъ волостяхъ, и она окончательно исчезаетъ изъ ясачныхъ книгъ лишь въ 1718 г. Какъ въ 1692 г., такъ и въ 1718 г. ясакъ главнымъ образомъ собирался въ 3 пунктахъ: въ Томскѣ и Ачинскомъ и Мелесскомъ острогахъ, а съ оби-

⁷⁾ Шаматн. сибирск. ист. XVIII в. I, № 93.

⁸⁾ „Русск. историч. библ.“, II, № 59.

тателей горныхъ порубежныхъ волостей—на мѣстѣ. Въ остроги посылались за ясакомъ томскіе дворяне и дѣти боярскія.

Теперь остается разсмотрѣть одинъ вопросъ—о сравнительной цѣнности различныхъ мѣховъ въ это время въ томскомъ уѣздѣ. Такъ какъ ясакъ брался соболями, то и мы возьмемъ этого звѣря за единицу сравненія. Разматривая ясачныя книги, мы останавливались при этомъ на тѣхъ съѣдѣніяхъ, гдѣ прямо говорится, какое количество, напр., бѣлки или горностаевъ берется за известное число ясачныхъ соболей. Выясняя цѣнность соболя по отношенію къ горностаю, видимъ, что въ 7 случаяхъ изъ 12 это отношеніе равняется 1: 5, соболь поминочный равенъ 15 и 16 горностаямъ; вообще можно сказать, что обыкновенный соболь равняется 5 горностаямъ и 25 бѣлкамъ, рыжій бобръ шель за 2 соболя, какъ и чернокарій, лисицы сиводушки и бѣлодушки за 2 соболя, красная за одного, бурая за 6, чернобурая тінітум за 6, росомаха за одного. Одинъ горностай равнялся 5 бѣлкамъ, бѣлый песецъ—10, выдра—60, красная лисица—росомахъ, рысь—лисицѣ бурой. Что эти отношенія были болѣе или менѣе постоянными, можно доказать любымъ примѣромъ ясачныхъ книгъ, гдѣ нѣтъ упоминаній о мѣхахъ съ недостатками или о кошлакахъ, черевезахъ и т. п. Пользуясь установленными отношеніями цѣнности разныхъ мѣховъ къ соболю, выведемъ ихъ отношеніе по бѣлкѣ, наименшей и наиболѣе ходовой единицѣ на мѣховомъ рынке того времени: соболь—25, горностай—5, рыжій бобръ—50, чернокарій—50, лисица-бѣлодушка—50, красная—25, чернобурая—150, росомаха—25, песецъ бѣлый—10, выдра—60, рысь—50, лисица-крестовка—50 бѣлокъ. Сравнивая эти данныя съ цѣнностью соболей въ концѣ XVII в., видимъ, что цѣнность ихъ повысилась въ началѣ XVIII в.: теперь за бобра берутъ 2, рѣдко 3 соболя, а раньше 3-4, даже 5 (за чернокаряго); росомаху за соболя вмѣсто 2; чернобурая лисица прежде шла за 10, а теперь только за 6 с. Горностай и бѣлка въ концѣ XVII в. въ ясакъ не принимались. Изъ этого видно, что количество пушного звѣря вообще уменьшилось, и особенно соболей, а спросъ на нихъ, очевидно, повысился. Вопросъ о денежнѣй стоямости пушныхъ звѣрей въ Томскомъ уѣздѣ начала

XVIII в. мы рѣшать не беремся, хотя съ одной стороны знаемъ, что по указу 1596 г. пелымскому воеводѣ Богдану Полеву „сто бѣлокъ положено противъ рубля“⁹), а съ другой видимъ изъ ясачныхъ книгъ, что въ 1712 г. нѣкто Федоръ Власовъ принялъ двухъ соболей отъ ясачнаго человѣка Мурыги въ заемныхъ деньгахъ—въ рубль (стр. 47),—но первая цифра относится къ слишкомъ отдаленному времени, а вторая затемняется обстоятельствами, ко-корыя всегда сопровождаются фактъ займа подъ залогъ. Таковы общіе выводы, къ которымъ мы могли прійти послѣ разсмотрѣнія „Ясачныхъ книгъ томскаго уѣзда“, этого любопытнаго памятника, обнародованіемъ котораго сибирская историческая наука обязана почтенному И. И. Кузнецovу-Красноярскому. Остается пожелать, чтобы сборники подобныхъ документовъ появились и для другихъ сибирскихъ мѣстностей, благодаря чему въ концѣ концовъ возможно будетъ создать обстоятельную и полную картину ясачныхъ отношений въ старинной Сибири.

II. Головачевъ.

⁹) „Ясачные книги томскаго уѣзда“, стр. 91.